

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

DEMOCRACY
and COMPLEXITY
A Realist Approach

DANILO ZOLO

Translated from the Italian
by DAVID MCKIE

Polity Press

OXFORD, 1992

ДЕМОКРАТИЯ И СЛОЖНОСТЬ

Реалистический подход

ДАНИЛО ДЗОЛО

Перевод с английского
АЛЕКСАНДРА КАЛИНИНА
НИКОЛАЯ ЭДЕЛЬМАНА
МАРКА ЮСИМА

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики
МОСКВА, 2010

УДК 321.7
ББК 66.0
Д43

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор
АРТЕМ СМИРНОВ
Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Дзоло, Д.
Д43 Демократия и сложность: реалистический подход [Текст] / пер. с англ. А. А. Калинина (предисловие, гл. I–IV), Н. В. Эдельмана (гл. V, заключение), М. А. Юсима (предисловие к русскому изданию); Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 320 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0736-0 (в пер.).

В своей книге выдающийся итальянский политический теоретик Данило Дзоло (р. 1936) утверждает, что возрастающая сложность современных обществ представляет серьезный вызов для западной демократической традиции и требует пересмотра ключевых вопросов политической теории. По мере того как общества становятся все более сложными, они сталкиваются с новыми и беспрецедентными формами эволюционного стресса, проявляющегося, например, в возрастающей автономии и власти политических партий и в новых видах политической коммуникации, которые создают видимость консенсуса. Эти формы стресса становятся настолько серьезными, что начинают угрожать разрушением ценностей, традиционно связываемых с демократией.

Книга адресована широкому кругу читателей — политологам, историкам, философам и социологам.

УДК 321.7
ББК 66.0

Translated from Danilo Zolo "Democracy and Complexity. A Realist Approach". First published in 1992 by Polity Press in association with Blackwell Publishers.

This edition is published by arrangement with Polity Press Ltd., Cambridge.

ISBN 978-5-7598-0736-0 (рус.)
ISBN 0 7456 0675 X (англ.)

Copyright © Danilo Zolo, 1992
© Перевод на рус. яз., оформление.
Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	8
ПРЕДИСЛОВИЕ	21
I. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОСЫЛКИ	26
II. СЛОЖНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ	52
III. СЛОЖНОСТЬ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ	108
IV. ЭВОЛЮЦИОННЫЕ РИСКИ ДЕМОКРАТИИ	179
V. ГЛАВЕНСТВО КОММУНИКАЦИИ	252
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НОВАЯ МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ?	302

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я очень рад, что книга «Демократия и сложность», опубликованная в 1992 году кембриджским издательством *Polity*, теперь будет доступна и на русском языке. Много воды утекло как с момента ее английского издания, так и последующих — на итальянском, испанском и немецком, которые в начале 1990-х вызвали живую полемику между сторонниками (немногими) и критиками (многочисленными) моих тезисов. Припоминаю, что среди критиков был и Зигмунт Бауман. Он написал длинную рецензию для влиятельной газеты *Times Literary Supplement*, заключив с едкой иронией, что моя книга невольно подтверждает ее центральное положение: это сложный и плохо поддающийся пониманию труд, который не имеет будущего, как, по моим словам, и западные демократические общества. На самом деле Бауман отвергал мой политический реализм и в особенности не разделял моего пессимизма относительно судеб демократических институтов. Он считал меня одержимым последователем Макиавелли, неуместным анахронизмом. Сегодня, в эпоху торжества глобализма, кризиса государственных суверенитетов, заката парламентов и партийного представительства, Бауман, наверное, был бы вынужден отнестись к автору работы «Демократия и сложность» с большим снисхождением. Ему пришлось бы отказаться от своих гуманитарных утопий, начиная с простодушного энтузиазма в отношении идеи демократического мирового парламента.

Прошло почти двадцать лет с момента первой публикации моей книги, и я должен констатировать, что ее основные тезисы были, к сожалению, обоснованными. Обоснованным оказался мой тезис о неактуально-

сти не только классических моделей демократии, основанной на участии и представительной, но и постклассической модели демократического плюрализма. Столь же обоснованным был мой тезис, изложенный в пятой главе «Главенство коммуникации», относительно сокрушительного воздействия средств массовой информации, прежде всего телевидения, на общественное мнение демократических стран. Сейчас никто не сможет отрицать, что долговременные политические пристрастия большинства граждан в значительной степени формируются под влиянием оказываемого на них информационного давления. Речь идет при этом зачастую о воздействии на подсознание, подавляющем критические способности аудитории с помощью иррациональных приемов убеждения. Добавлю, что были и такие читатели моей книги, которые увидели в ее пятой главе на редкость точный прогноз того, что случилось в Италии через несколько лет: полного контроля над телевизионными станциями, как частными, так и государственными, со стороны председателя Совета министров Сильвио Берлускони, беспринципного предпринимателя и демагога, опирающегося на беспрецедентную телевизионную популярность.

Сегодня неясно, что следует понимать под словом «демократия». Те, кто пользуются этим термином без тени сомнения, делают это из лени или вследствие плохого знакомства с проблемой, а также в силу использования языка политической риторики, отражающего идеологическое высокомерие и гегемонистские претензии западных держав. В частности, политические лидеры Соединенных Штатов Америки очень часто используют термин *democracy* в качестве средства международной дискриминации так называемых государств-изгоев (*rogue states*). На самом деле классическое значение слова «демократия», заимствованного из практики древних Афин, принадлежит очень отдаленным временам и мало что может сказать нам. Любой серьезный ученый подтвердит теперь, что модель

собрания типа агоры или *ekklesia* — собственно модель демократии, основанной на участии, — абсолютно не актуальна в эпоху глобальной экспансии политической, экономической и военной власти. В наши дни никто не верит в ценности демократического представительства, при котором политические партии действительно являются представительными организациями, в точности доносящими до верхов государственной власти суть требований и ожиданий избирателей. Политические партии, как блестяще показал Никлас Луман¹, — это самодостаточные структуры, обслуживающие интересы привилегированных и всемогущих элит и часто вступающие в сговор друг с другом.

Кроме того, сегодня невозможно отрицать, что плюралистическое понимание демократии, утвердившееся на Западе после Второй мировой войны, также клонится к закату, невзирая на проповедуемый в его рамках политический реализм. В современном обществе, говорили вслед за Йозефом Шумпетером такие авторы, как Сеймур Липсет, Роберт Даль, Джон Пламенац, Раймон Арон и Джованни Сартори, осуществление политической власти доверено множеству профессиональных политических элит, в то время как задачей прочих граждан, не обладающих специальными навыками, является формирование с помощью выборных процедур той же элиты, которой они вручают рычаги управления и которой послушно подчиняются. Современная демократия такова и не может быть другой, утверждали они хором. Было бы тяжелой ошибкой недооценивать ее и отрицать ее значение как непревзойденного и незаменимого образца, который Запад должен распространить во всем мире, начиная с бывших коммунистических стран и заканчивая исламским и китайско-конфуцианским ареалом.

Правда состоит в том, что за последние десятилетия прошлого века плюралистическое понимание де-

¹ См.: *Luhmann N. Il futuro della democrazia. Delusioni e speranze // Il Mulino. 1987. Vol. 36. № 4. P. 573–583.*

мократии, несмотря на его минимализм и антиидеалистические и антиморалистские посылки, проявило себя как совершенно нереалистическое в условиях все более дифференцированной и сложной организации общества. В эти годы на Западе совершился переход от индустриального общества и труда к обществу постиндустриальному, характеризующемуся информационно-технологической революцией, засильем международных корпораций и процессами глобальной взаимосвязи и взаимозависимости в контексте всепроникающей рыночной экономики. Международная политическая власть сосредоточилась в руках нескольких сверхдержав, а международное право стало орудием этой власти.

В настоящее время политический и юридический суверенитет национальных государств значительно ослаб, в то время как деятельность парламентов ограничивается влиянием государственной и частной бюрократии, в том числе юристов и конституционных судов. При этом исполнительная власть стремится руководить всеми остальными, разрушая систему разделения властей, присущую евроконтинентальному правовому государству и англо-американскому правопорядку. Парламентская демократия уступает место телекратии. Массовые политические партии, некогда очень многочисленные, социально активные и открытые к политическим дискуссиям, сходят со сцены, поскольку их центральные органы больше не нуждаются в привлечении новых членов и активистов. Им это не нужно, потому что каналы государственного и частного телевидения представляют собой гораздо более дешевые и эффективные инструменты политической пропаганды.

На этом фоне новые политические субъекты уже не партии: это узкий круг элитарных предпринимателей от выборных кампаний, которые вступают друг с другом в рекламную конкуренцию и обращаются к массам граждан-потребителей, предлагая им в рамках

выверенной стратегии телевизионного маркетинга свои символические продукты. Как заметил Норберто Боббио, засилье телевидения привело к инверсии отношений между контролирующими и контролируемы-ми: узкий круг избранных контролирует массы избирателей, а не наоборот². Еще один вклад телевидения в политическое обкрадывание граждан — опросы общественного мнения, которые пытаются не анализировать, а формировать его под видом несуществующей научной строгости. Демоскопические агентства, обслуживающие самые влиятельные элиты, фиксируют ответы граждан на свои вопросы и с помощью телевидения массированно влияют на общественное мнение путем селективного и продуманного распространения результатов исследований. Таким образом, установился режим, который вполне обоснованно можно назвать постдемократической телеолигархией, где подавляющее большинство граждан не выбирает и не избирает, а остается в неведении и подчиняется.

Вдобавок ко всему вышесказанному нельзя не признать, что модель социального государства, или *Welfare State*, в основных западных государствах ныне переживает кризис. Начиная с 30-х годов XX века социальное государство стремилось спасти правовое либерально-демократическое государство и пойти дальше него, гарантируя соблюдение так называемых социальных прав: права на труд, права на образование, права на охрану здоровья, а также предпринимая меры по социальному страхованию, поддержке и обеспечению. Сегодня распространено убеждение, что социальное государство находится в глубоком кризисе вследствие нарастания политико-экономических перемен, получивших название глобализации. Такие авторы, как Джозеф Стиглиц, Ульрик Бек, Лоик Вакан, Робер Кастьель, Лючано Галлино, признали, что глобализация стала триумфом рыночной экономики, которая за не-

² Ср.: *Bobbio N. L'utopia capovolta*. Torino: La Stampa, 1990. P. XV.

сколько десятилетий в несколько раз увеличила совокупный валовой продукт и, соответственно, общее богатство. В 2000 году валовой внутренний продукт составил 42 триллиона долларов — в семь раз больше, чем в 1950 году. Вместе с тем глобализация усилила различия между богатыми и бедными странами: в 2000 году двести самых богатых людей в мире располагали ресурсами, превышающими ресурсы двух миллиардов самых бедных. Что касается государства всеобщего благосостояния, то глобализация расстроила его социально-политические структуры, ослабила его гуманитарные связи и дискредитировала его демократические институты. Бремя множества социальных рисков постепенно перекладывалось со всего общества на отдельных граждан в соответствии с тенденцией приватизировать ответственность за риск и метаболизацию неопределенности; это индивидуалистическая и одновременно авторитарная тенденция, не имеющая ничего общего с демократией в любом ее значении.

В то же время растущая нестабильность рынков, демографические изменения, массовые миграции и эволюция производственных систем богатых стран способствовали сокращению рабочих мест и неустойчивости договорных отношений, что отразилось в первую очередь на занятости молодежи и работающих женщин. Для новых поколений труд стал малопривлекательным, второстепенным, чуждым, непропорционально оплачиваемым и «растяжимым», в том числе из-за мировой конкуренции стран, обладающих избыточной рабочей силой и слабо защищающих права трудящихся. Вытекающий отсюда распад социальной материи угрожает целостности гражданского общества: чувство сопричастности ослабевает, нарастает политическая апатия, процветают преступность и коррупция, оживляется всякого рода сепаратизм. Это порождает лихорадочную потребность в безопасности и защищенности, которая часто перерастает в призыв к авторитарному использованию власти во из-

бежание беспорядка и анархии. Происходит переход от положительного понимания безопасности к отрицательному. Это понятие все меньше отождествляется с идеями социальной принадлежности, солидарности, взаимопомощи, демократического признания суверенности личности и ее участия в общественной жизни; в противовес ему утверждается постдемократическая концепция безопасности как прямой защиты индивидов от возможных актов агрессии и как полицейских репрессий с целью сурового наказания нарушений.

Культура контроля сосредоточивается на защите территории, на милитаризации городов и отдельных жилых резиденций, на надзоре за некоторыми социальными категориями, признанными потенциально опасными, на использовании частной охраны и строгости наказаний. В большинстве западных стран (и в некоторых латиноамериканских странах, которые стали подражать им, например Бразилии, Ямайке и Мексике) процессы глобализации вызвали к жизни глубокую трансформацию системы наказаний и репрессий. Лоик Вакан³ так определил суть этой трансформа-

³ См.: *Wacquant L. Les prisons de la misère. Paris: Editions Raisons d'Agir, 1999.* Образец этих перемен являет собой карательная и пенитенциарная политика, проводившаяся за последние тридцать лет в Соединенных Штатах и Великобритании, а вслед за ними в основных европейских странах. Соединенные Штаты занимают первое место по все более растущему числу заключенных (к американским цифрам приближается только Российская Федерация). С 1980 года по сей день количество заключенных в США более чем утроилось и в 2007 году достигло показателя в 2 300 000 человек. Коэффициент лишения свободы здесь самый высокий в мире — 702 человека на 100 000 населения. Эти цифры становятся еще более впечатляющими, если принять во внимание, что в США заключенные в тюрьму составляют всего треть от общего количества осужденных. Остальные четыре с лишним миллиона приговорены к альтернативным наказаниям в виде условных сроков или освобождены досрочно. Таким образом, число лиц, приговоренных в стране свободы для «снижения уровня страха» к тем или иным видам наказаний, суммарно составляет более шести миллионов.

ции: «от социального государства — к карательному». Западные государства единодушно признают растущую важность полицейской защиты личности и ее имущества от криминальных посягательств. Это порождает усиленные меры по социальному контролю с использованием электронных технологий: прослушивание телефонных разговоров, видеонаблюдение, выдачу электронных паспортов, цифровое распознавание радужной оболочки глаз и черт лица, цензуру информационных сетей, самоцензуру, навязываемую провайдерам, создание брешей в защищенных компьютерных программах, снятие отпечатков пальцев, повторяющиеся опознания личности, доступ к личным данным.

В Соединенных Штатах под лозунгом нулевой терпимости (*Zero Tolerance*) объявлена война всякой нестандартности в поведении, даже малейшей, проявляемой маргинальными субъектами — «чужими», которые не хотят следовать господствующим образцам социального конформизма, и поэтому на них возлагают всю ответственность за беспорядки и отсутствие безопасности. Нагнетаемый средствами массовой информации страх перед ростом преступности и коррупции может быстро перерасти во всеобщую панику, и чрезвычайная ситуация приведет к политическому произволу, использующему страхи и неуверенность населения для достижения избирательного консенсуса, который не имеет ничего общего с ценностями и практикой демократии.

К этому добавляется антагонизм между местным населением западных стран и растущей массой мигрантов из слаборазвитых стран и континентальных регионов, где ощущается избыток населения. Речь идет об обездоленных людях, которые с риском для жизни упорно пытаются попасть в западные страны, закрепиться там и добиться равного обращения. Ответ со стороны граждан, уставших от этого космополитического давления, заключается в отторжении и попытках

насильственного выдворения иностранцев, а также в фактическом отказе им в гражданских правах и в их политико-правовой дискриминации. Похоже, что этот конфликт заставит нас пережить в ближайшие десятилетия самые мрачные времена гражданской и политической истории западного мира под знаком постдемократической ксенофобии и потенциального расизма.

На фоне этой тревожной картины сам собой возникает вопрос: что же делать? Что делать Италии, Европе, России? Перед лицом угрозы постдемократического сдвига, захлестнувшей весь Запад и надвигающейся на многие другие страны, что могут сделать прогрессивные силы? Дать ответ чрезвычайно сложно, и, разумеется, мы ни в малейшей степени не можем здесь заняться его поисками. Скажу только, что прежде всего необходимо попытаться спасти некоторые гуманитарные ценности и права — главным образом социальные права и новые права⁴, завоеванные европейской либерально-демократической и социал-демократической традицией, сегодня в основном попираемые. Это стало бы предпосылкой не столько для реставрации классических и постклассических форм демократии, сколько для возвращения индивидам минимальной автономии и чувства солидарности с обществами, в которых они живут.

Очевидно, нужно вести речь о том, чтобы вернуть положительный смысл таким словам, как «безопасность» и «свобода», потому что безопасность и сво-

⁴ Я имею в виду наряду с традиционными гражданскими правами, политическими и социальными, новые права: во-первых, права иностранных мигрантов, затем права на здоровую окружающую среду, на воду, право на защиту от пыток и унижений со стороны государственного правосудия, право на мир и, не в последнюю очередь, право на жизнь, грубо попираемое сегодня агрессивными войнами. Речь идет также о том, чтобы противостоять неолиберальным попыткам разрушить аппарат социального государства, и о том, чтобы подчинить логику рыночной конкуренции и дискриминации логике неприкосновенности прав личности в их защитно-позитивной функции.

бода не могут существовать вне политических структур, обеспечивающих одновременно индивидуальную автономию и социальную солидарность, осознание гражданами своих личных прав и своих тесных связей с обществом, к которому они привязаны в политическом и культурном отношении. Для этого потребуются покончить как с риторическими призывами к социальному равенству, так и с космополитическим мифом о всемирном государстве, в котором забудутся ценности национального гражданства и коллективной идентичности.

Классическая идея социального равенства навряд ли может быть приемлемой для современного постиндустриального общества. В условиях растущей стандартизации, навязываемой, в частности, влиятельными средствами массовой информации, индивиды все больше ощущают потребность быть неповторимыми и стремятся к непохожести, желают заявить о своем отличии от остальных и настаивают на нем. Они делают это не обязательно для получения каких-то привилегий, но ради обретения собственной свободы и противостояния конформизму, проповедуемому СМИ и рыночными отношениями. Молодые люди испытывают глубинный страх утраты идентичности, потери собственной значимости, своей человеческой состоятельности. Но потребности новых поколений не сводятся к либеральной свободе, заключающейся в отсутствии препятствий. Они хотят иного — возможности самим определять свою судьбу. Каждый стремится к тому, чтобы его жизнь шла по его собственному плану, а не по чужой указке. Каждый хочет действовать по своему разумению, самостоятельно управлять своими чувствами и эмоциями, короче говоря, добиться (не всегда осознанно) когнитивной автономии.

Под когнитивной автономией, которая составляет самую суть индивидуальной свободы, можно понимать способность субъекта контролировать, отфильтровывать и рационально истолковывать получаемые им со-

общения. Это понятие следует четко отличать от словосочетания «политическая свобода», по крайней мере в том ее либеральном значении, которое было предложено Исайей Берлином⁵, отождествившим ее со свободой субъекта от внешнего принуждения. В информационном обществе юридическая гарантия политической свободы и прав рискует остаться пустым звуком, если не будет предусматривать когнитивной автономии: в ее отсутствие не может быть сформировано независимое общественное мнение, противостоящее процессам самоузаконения политических элит, стоящих у власти. Ввиду растущего влияния и могущества средств массовой информации судьба западных политических институтов будет зависеть, по-видимому, от исхода битвы за это фундаментальное право человека, которое может быть названо *habeas mentem* — неприкосновенностью сознания.

Следует добавить в опровержение космополитической утопии в духе Баумана, что автономия индивида не исключает, но, напротив, предполагает ощущение принадлежности к конкретной социально-культурной группе. Не может быть свободы и автономии, которые не укоренены в местных традициях, не покоятся на духовной, эмоциональной и интеллектуальной привязанности к определенной истории, культуре, языку, общей судьбе. Без солидарности, соучастия, чувства локтя, естественного чувства сродства в общественных отношениях безопасность сменяется разобщенностью и закрытостью. Только тот, кто обладает прочными корнями идентичности, способен признавать чужую автономию, уважать непохожесть, вступать в диалог с другими, избегать любого фундаментализма и догматизма, осознавать, что встречи разных культур и цивилизаций планеты не только обеспечивают мир, но и сохраняют в качестве залога биологического раз-

⁵ См.: Берлин И. Два понимания свободы // Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 122–185.

нообразия в широком смысле неоценимое эволюционное наследие человечества.

Постольку, поскольку глобализация не считается с плюрализмом культур и цивилизаций и фактически выливается в процесс американизации Запада и вестернизации всего мира, она должна быть подвергнута беспощадной и вместе с тем реалистической критике. Необходимо подвергнуть беспощадной критике войны, которые несет с собой глобализация, растущую дискриминацию огромного большинства бедных и слаборазвитых стран со стороны группы богатых и влиятельных держав, разрушение природной среды и экологического равновесия. Но эта критика должна быть реалистичной, потому что речь не идет о созидании новых политических горизонтов во имя великих просветительских и исторических идеалов, таких как освобождение человечества, всеобщее братство и всемирное правительство. Прогрессивная мысль должна сегодня избавиться от величественной риторики политического мессианства и навсегда покончить с христианско-стоическим мифом о гражданстве Вселенной и руссоистско-аристотелевским — о «совокупном гражданине».

В международном плане нет речи о том, чтобы повторять наивные банальности идеологии третьего мира. Третьего мира больше нет, как и нет, по крайней мере в традиционном понимании, геополитического противостояния нищего Юга и богатого Севера: в южных странах крайняя бедность и безмерное богатство соседствуют друг с другом, как они соседствуют и внутри отдельных стран, например в Индии, Бразилии и даже в Соединенных Штатах. Необходимо дать отпор культурной и информационной гегемонии индустриального мира, которая лишает культурной и территориальной идентичности, традиционных корней маргинальные массы в богатых странах, национальные меньшинства и слаборазвитые страны. Эта часть человечества больше других подвержена страху, неуве-

Д. Дзоло. Демократия и сложность

ренности в завтрашнем дне и отчаянию. Необходимо дать отпор культурной стандартизации и политико-экономической дискриминации ради сохранения многообразия мира во всей его сложности, великолепии и способности к развитию.

На этом я заканчиваю, сохраняя малую толику надежды. Я буду ждать с большим интересом и не без волнения реакции российских читателей на эту книгу. Если кто-то из них пожелает обсудить ее тезисы непосредственно со мной, он может написать мне по электронной почте на одном из основных европейских языков по адресу: <zolo@tsd.unifi.it>. Для меня это будет большой честью и удовольствием.

Флоренция, ноябрь 2009 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

После крушения коммунизма западная демократия стала, по-видимому, единственной жизнеспособной политической системой в мире. Однако в настоящее время сама демократия в современных постиндустриальных обществах подвергается беспрецедентным эволюционным стрессам. Эти стрессы становятся настолько сильными, что возможность объяснить идею «представительной демократии», даже возможность извлечь хоть какой-либо смысл из этой концепции, вызывает ныне вопросы. Точно так же содержания лишлись и другие крупные разделы словаря европейской политической теории. Многие понятия вроде «народный суверенитет», «общее благо», «консенсус», «контроль», «участие», «плюрализм», «соствязание партий», «общественное мнение» давно утратили связь с ценностями, которые они некогда несли. И трудно уйти от впечатления, что даже работы, признанные классикой политического мышления, ныне утратили способность оказать нам сколько-нибудь реальную помощь.

Не менее сложная ситуация сложилась и в области политических исследований. Эпистемологические парадигмы, постулируемые различными теориями демократии, в том числе экономической, эмпирической и этико-политической теорий договорного или утилитарного происхождения, не выдержали господствующей неопределенности относительно оснований научного знания и кризисного состояния социальных наук. Эта неопределенность пришла на смену краху различных вариантов эмпирицистской философии науки и все еще является характеристикой течения, которое, за неимением лучшего определения, удобно называть постэмпиризмом.

По всем этим причинам главным предметом настоящей книги станет необходимость последователь-

ной реконструкции демократической теории. Под демократической теорией я имею в виду либерально-демократическую теорию вообще, в том смысле, в каком эта теория утвердилась в политической культуре Европы. При этом я не пытаюсь провести какое-то точное различие между либерализмом и демократией. Надеюсь, рассуждения, приведенные в этой книге, послужат оправданию потери этого философски важного различия, равно как и оправданию некоторых других историографических упрощений, необходимых при моем подходе.

Разумеется, для многих идеал демократии остается важным символом. В некоторых политических условиях, особенно, но не исключительно в условиях третьего мира, слово «демократия» по-прежнему представляет революционный вызов власти политических и военных кругов. Наиболее ярко этот порыв к демократии проявился в странах реального социализма, где политическое и институциональное наследие марксизма-ленинизма явно не смогло выдержать испытание опытом. После демократической революции 1989 года и падения Советского Союза коммунистическая система предстала в подлинном свете и оказалась скорее невыносимо регрессивной, чем системой преодоления формальностей представительной демократии. В то же самое время нетрудно, однако, предсказать, что страны Восточной Европы, ныне так неискренне восхваляющие демократические свободы и экономику свободного рынка, после падения железного занавеса и ожидаемой приостановки упадка национальных экономик очень быстро столкнутся с теми же проблемами, от которых обычно страдают западные демократии.

Собственно говоря, концепция представительной демократии, особенно во времена, когда традиционные консервативные и прогрессистские альтернативы разваливаются, по-видимому, более не способна успешно описывать политические системы постинду-

стриальных стран и адекватно отличать демократические страны от недемократических. Это в большей мере справедливо в отношении концепции, которая развилась из того, что я предлагаю называть неоклассической доктриной. Я имею в виду теории демократического плюрализма, выдвинутые различными теоретиками, начиная с Шумпетера и, среди прочих, до Липсета, Даля, Пламенаца, Арона и Сартори. По моему мнению, сегодня эти теории выглядят столь же неуклюже и нереалистично, как и классическая доктрина демократии, против недостаточной сложности и реалистичности которой они изначально были направлены. Сегодня, спустя пятьдесят лет после выхода в свет книги «Капитализм, социализм и демократия», необходимо понимать, что реализм Шумпетера вытеснен, если не сказать превзойден, реализмом, присутствующим в бесконечно усложнившейся действительности. Таким образом, мы снова сталкиваемся с необходимостью построения другой, более сложной теории демократии, соответствующей новой реальности и отличающейся от теорий, которые завещаны нам западной традицией, как классической, так и неоклассической.

Именно неоклассические теории в гораздо большей степени, нежели классическая доктрина, обеспечивают политическими оправданиями «государя дня нынешнего». Назвав этого «государя» демократическим и считая плюралистическую демократию «одним из наиболее необычных продуктов человечества»⁶, представители неоклассического направления попросту оправдывают существующий ныне строй во всех его формах как наилучший из всех возможных. Впрочем, в цели этой книги не входит попытка поднять бесполезное (и неизбежно моралистическое) воскрешение этико-политических предписаний классической демократии в старой европейской традиции. По обе

⁶ *Даль Р.* Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. С. 334.

стороны Атлантики за последние двадцать лет было предпринято достаточное количество таких попыток, самой яркой из которых стала попытка Джона Ролза. С моей точки зрения, эти усилия, в сущности, были не более чем возвращением к пуританскому индивидуализму европейского протокапитализма, политические идеалы которого, как говорят, не выходили за интеллектуальные горизонты человека, в XVIII веке торговавшего скобяным товаром.

Со своей стороны, я по-прежнему не убежден в том, что фундаментальные послылки концепции представительной демократии, то есть суверенитет, рациональность и нравственная автономия индивида, в какой-то степени сохраняют состоятельность как послылки, а не как цели, крайне труднодостижимые в контексте того, что ныне стало действительно действенными факторами в политической системе современных, сложных обществ. Поэтому я собираюсь доказать необходимость построения постпредставительной теории политической системы, способной соответствовать уровню сложности, достигнутой индустриальными обществами в условиях информационной революции, теории, учитывающей эволюционные риски, с которыми сталкивается в этих обществах демократия.

Делая это, я сознательно солидаризируюсь с традицией европейского политического реализма, идущей от Макиавелли к Гоббсу, Марксу, итальянским теоретикам элит, Веберу и Шумпетеру. Естественно, я надеюсь сохранить осознание сложностей, заложенных в такой задаче, но постараюсь не упустить из виду и ценный урок, который следует извлечь из указанной традиции. А этот урок в том, что характерная черта любого процесса принятия политических решений заключается в отсутствии беспристрастности и произвольности, случайности морали. В отличие от морализма, господствующего ныне в политической философии англоязычного мира, одной из моих исходных посылок является утверждение о том, что главная фун-

ПРЕДИСЛОВИЕ

кция политической системы состоит в уменьшении страха посредством селективного регулирования социальных рисков.

При этом, однако, считаю необходимым заявить, что солидаризируюсь с классическими концепциями сопротивления власти и борьбы с ее высокомерием, ее злоупотреблениями и ее привилегиями. Возможно, уроки недавнего прошлого служат мне наилучшим извинением за это очевидное противоречие.

1. Некоторые общие посылки

Сложность

Роберт Даль в своей книге «Демократия и ее критики» утверждает, что всякое подлинное обсуждение проблем демократии следует начинать с изучения полускрытых посылок, лежащих в основе теории демократии. Эти посылки, напоминает нам Даль, присутствуют во всех концепциях демократии, но защитники демократии склонны отказываться от их рассмотрения как от своего рода неизученной и непризнанной «теневой теории»¹. В результате эта «серая зона» лучше освещается критиками демократии, а не ее сторонниками. В американской политической науке это мнение, как правило, не озвучивается, но я в значительной степени с ним согласен. Таким образом, мне следует сначала открыто изложить исходные посылки моей работы и попытаться привести доводы в их пользу. Делая это, я постараюсь сузить рамки моей собственной «серой зоны», хотя надеяться на ее полное устранение было бы, конечно, глупо.

Общей моей посылкой является гипотеза о том, что путь к реалистическому анализу состояния и будущего демократии открывают идея сложности и тесно связанная с нею концепция социальной сложности². Идея

¹ Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. С. 10–11.

² Я буду пользоваться понятием «постиндустриальные общества», хотя во многих отношениях оно вызывает критику, просто для обозначения современных индустриальных обществ, испытывающих воздействие информационной революции, которая определяет три фундаментальных процесса — развитие телематики, занимающейся электронны-

I. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОСЫЛКИ

сложности, по меньшей мере в том смысле, в котором я предлагаю ее использовать, сопряжена с очень широким кругом философских посылок, которые нельзя принимать как самоочевидные. Кроме того, я буду ссылаться на рефлексивную эпистемологию и, хотя и критически, на теорию систем.

Идея сложности страдает противоречивостью. Лет десять тому назад Герберт Саймон смог выявить не менее семи различных значений, вкладывавшихся тогда в это понятие³. В некоторых научных дисциплинах выработано несколько строгих определений данного термина, например в динамической топологии, теории информации, исследованиях искусственного интеллекта и прежде всего в теории вычислительных систем, где концепция сложности вычислений заняла прочное место⁴. Такие формализованные определения полезны как в контексте этих научных дисциплин, так и в других контекстах для математических расчетов. Однако эти определения не могут получить скольконибудь значительного применения в социальных науках. Использование этих определений на практике требует множества дополнительных допущений и *ceteris paribus*⁵ оговорок, способных просто свести на нет

ми обработкой, хранением и передачей данных, развитие роботехники, занимающейся автоматизацией промышленных процессов и общественных услуг, и развитие коммуникаций массовой информации, которая занимается главным образом телевизионными коммуникациями.

³ См.: *Simon H.* How Complex are Complex Systems? // Proceedings of the 1976 Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association. Ed. Suppe F., Asquith H.H. East Lansing (Mich.): Philosophy of Science Association, 1976. Vol. 2. P. 501–522.

⁴ См.: *Gottinger H.W.* Coping with Complexity. Dordrech and Boston (Mass.) D. Reidel, 1983, особенно p. IX–X; см.: *Flood R.L.* Dealing with Complexity. New York: Plenum Press, 1988; *Calude C.* Theories of Computational Complexity. Amsterdam and New York: North Holland, 1988; см. также: *Cherniak C.* Minimal Rationality. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1986.

⁵ При прочих равных условиях (*лат.*).

логическую строгость отправной точки этих определений и тем самым их полезность.

Как только мы выходим за рамки узких дисциплин и вступаем в сферу социальных наук (или в смежную с нею сферу языка политики и журналистики), мы сталкиваемся с ненормальной ситуацией. Ибо здесь концепция сложности, несмотря на всю ценность, которую она приобрела в специализированных контекстах, имеет только топорный и, как правило, банальный смысл — как в ответе, который европейские политики частенько дают на щекотливые вопросы: «Проблема сложнее, чем вы думаете». Кажется, слово «сложный» зачастую превращается в простое указание на замешательство человека, который недавно открыл для себя, что мир, в котором он живет, уже не тот, в каком жили его родители или его дедушки и бабушки.

В сущности, даже в случае наиболее изоциренного использования понятие сложности остается смутным и двусмысленным в степени, превышающей смутность и двусмысленность понятий, которые обычно используют в социальных (и естественных) науках. Следует признать, что философы, занимающиеся сложностью, не слишком преуспели в попытках довести предмет своих исследований до стандартов, необходимых для строго научных дебатов. На память приходят примеры Эдгара Морена и Никласа Лумана⁶, не говоря уже о приверженцах аутопойезиса и «кибернетике второго порядка»⁷.

⁶ См., например: *Морен Э. Метод. Природа Природы*. М.: Прогресс-Традиция, 2005; Luhmann N. *Soziologische Aufklärung*. I, Opladen: Westdeutscher Verlag, 1970.

⁷ Весьма спорная теория аутопойезиса выдвинута двумя чилийскими биологами — У.К. Матураной и Ф.Х. Варелой. Они утверждают, что жизнь характеризуется тем, что среди конституирующих элементов любой живой системы есть и возвратные, и соотносящиеся сами с собой элементы, то есть «саму организацию процессов генерирует взаимодействие продуктов этих элементов». См.: *Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Dordre-

I. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОСЫЛКИ

Таким образом, моя первая задача состоит в том, чтобы сформулировать в конкретных категориях идею сложности, которую я намереваюсь использовать и таким образом показать. По эпистемологическим причинам, которые, как я надеюсь, станут понятны к концу этой главы, я не буду пытаться выдвигать формальное определение, которое претендовало бы на некоторую степень верифицируемости (или фальсифицируемости) в пределах должным образом аксиоматизированной теории. Вместо этого я ограничусь предложением возможной линии интерпретации. И это предложение я выдвину на первый после события план — не потому, что оно отличается методологической строгостью, но потому, что оно позволяет последовательным образом отбирать и организовывать проблемы, которые представляются мне важными. Итак, я изложу посылки (естественно, исключительно условные по своей природе) ясного и доступного рассуждения в надежде на то, что то, что я могу предложить, будет соответствовать разумным требованиям моих читателей.

Термин «сложность» в том смысле, в каком я использую его при рассмотрении теоретических вопросов, не описывает объективные свойства естественных или социальных явлений. Не обозначает этот термин и сложные объекты, противопоставляемые простым объектам. Скорее, этот термин отсылает к когнитивным ситуациям, в которых оказываются субъекты — как индивиды, так и социальные группы. Отношения, которые строят субъекты и которые субъекты проецируют на окружающую их среду в попытках самоориентации, то есть упорядочения, прогнозирования, планирования или манипулирования, будут в зависимости от обстоятельств более или менее сложными.

cht and Boston (Mass.): D. Reidel, 1980; Zeleny M. (ed.). *Autopoiesis: A Theory of Living Organization*. New York and Oxford: North Holland, 1981. О «кибернетике второго порядка» см.: *Foerster H.V. Observing Systems*. Seaside (Calif.): Intersystems Publications, 1984.

Точно так же более или менее сложной будет подлинная связь субъектов со средой.

Эти послышки позволяют сформулировать условия сложности в следующих четырех пунктах:

1. Чем шире масштаб возможных вариантов выбора и чем больше количество переменных, которые приходится учитывать субъектам в своих попытках разрешения проблем знания, адаптации и организации, тем сложнее становится окружающая их среда. Например, жизнь в условиях крупного города сложнее жизни в условиях сельской местности — настолько сложнее, насколько условия города обеспечивают большее разнообразие опыта. Чем выше сложность, тем сильнее жители крупного города начинают осознавать возможность того, что они подвергаются воздействию загрязняющих веществ. В странах Западной политической жизнь стала сложнее с появлением опросов общественного мнения, проводимых во время предвыборных кампаний. Такие опросы расширяют границы доступной информации и оказывают влияние на поведение избирателей, предвосхищая результаты голосования.

2. Чем сложнее становится среда, тем сильнее взаимозависимость переменных. Изменение значения одной переменной неизбежно сказывается на других переменных (это влияние взаимно), что неизбежно усложняет задачу познания (и действия). В этом случае для организации среды и управления ею необходим больший объем информации. После преодоления известного порога сложности расчеты, необходимые для прогнозирования последствий рекурсивных отношений, которые связывают факторы среды между собой, требуют качественного изменения. Даже анализ отдельных явлений становится менее определенным, учитывая то, что изначальное состояние этих явлений и их последующее развитие вряд ли можно отделить от нелинейных связей.

3. Третий элемент сложности связан с нестабильностью или турбулентностью среды и тенденцией ее пе-

І. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОСЫЛКИ

ременных меняться по быстрым или непредсказуемым траекториям⁸. Этот аспект сложности обладает динамичной природой и тем более важен, что он связан с процессами, которые приводят к переходу от порядка к беспорядку (к революции, хаотичной эволюции, катастрофической бифуркации и т.д.) или, что еще более важно, к возникновению порядка из беспорядка⁹.

4. Четвертой чертой сложности, объемлющей три первые, является то, что субъекты, осознающие высокий уровень сложности среды, в которой они существуют, достигают состояния когнитивной циркулярности. Такие субъекты сознают сложность, с которой придется столкнуться при попытках объяснить и спрогнозировать внешние, происходящие в среде явления в соответствии с линейными (то есть монокаузальными, монофункциональными или простыми) схемами, сами условия их общих отношений со средой. На самом деле трудность возникает, в сущности, из познавательной деятельности субъектов, направ-

⁸ См.: *Casti J. Connectivity, Complexity and Catastrophe in Large-Scale Systems*. New York: John Wiley and Sons, 1979. P. 102–105.

⁹ Явления первого типа изучены в рамках теории аттракторов и были формализованы в числе прочих Рене Томом и Кристофером Зиманом; см.: *Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез*. М.: Логос, 2002; *Zeeman C. Catastrophe Theory*. Reading (Mass.): Benjamin, 1977. Явления второго типа породили идею сложности как самоорганизации. Эти идеи высказаны в исследованиях Анри Аттлана о «порядке через шум», Ильи Пригожина — о диссипативных структурах, Эриха Янча — о самоорганизации Вселенной и Фридриха фон Хайека — о процессах спонтанного морфогенеза социальных групп; см.: *Atlan H. Entre le crystal et la fumee. Essai sur l'organisation du vivant*. Paris, Seule, 1979; *Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог с природой*. М.: Прогресс, 1986; *Jantsch E. The Self-Organizing Universe*. Oxford: Pergamon Press, 1980; *Hayek F.A. Kinds of Order in Society // Studies in Social Theory*. № 5. Menlo Park (Calif.); Institute for Humane Studies, 1975; *Hayek F.A. The Theory of Complex Phenomena // Bunge M. (ed.). The Critical Approach to Science and Philosophy*. New York: Free Press, 1964.

ленной на построение и изменение среды посредством ее понимания. (Эта ситуация, по-видимому, получает подтверждение благодаря преобладающим толкованиям принципа неопределенности.) Соответственно, субъекты учитывают то обстоятельство, что они не могут определить свою среду в объективных категориях. То есть субъекты не могут нейтрализовать искажения, внесенные их собственной познавательной деятельностью и, если идти по кругу, не могут определить самих себя без обращения к сложности и турбулентности внешней среды, которая со временем начинает определять и модифицировать познавательную деятельность субъектов. Таким образом, субъекты оказываются в ситуации эпистемологической сложности. Как мы увидим, отсюда возникает потребность в рефлексивной эпистемологии, основанной на признании когнитивной взаимосвязи субъекта (или системы) и среды в условиях повышенной сложности.

Социальная сложность

Под социальной сложностью я понимаю специфическую конфигурацию сложившихся в современных постиндустриальных обществах общественных отношений в том виде, в каком ее воспринимают сами субъекты социальной жизни. Эту конфигурацию можно рассматривать как продукт некоей очень общей эволюционной тенденции (так делал, например, Никлас Луман¹⁰). В основе представлений Лумана и других лежит гипотеза о том, что социальным группам свойственно со временем модифицировать свою организационную структуру в соответствии с логикой нарастающей дифференциации. В настоящее время эта гипотеза в общем считается вполне обоснованной, и она выдвинута многими основателями современной социологии, такими как Спенсер, Зиммель, Дюркгейм,

¹⁰ См.: Луман Н. Общество общества. Часть IV. Дифференциация. М.: Логос, 2006.

І. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОСЫЛКИ

Вебер и Парсонс, создавшими традицию, к которой и примкнул Луман¹¹.

Аргументация Лумана сводится к следующему: исторически социальная эволюция сначала прошла фазу сегментарной дифференциации, затем — фазу дифференциации через стратификацию, и, наконец, уже в новейшее время наступила фаза функциональной дифференциации, возникающей в результате увеличения объема и разнообразия функциональных подсистем в каждой социальной системе¹². Подсистемы (экономические, политические, научные и т.д.) в процессе развития начинают выполнять более конкретные роли, чем те, которые эти подсистемы выполняли в момент своей дифференциации, создавая обособленные организационные структуры и приобретая формы в соответствии с рабочими критериями, функциональными кодами, что открывает путь к автономной специализации.

Должен сразу же сказать, что, в отличие от Лумана¹³, утверждение эволюционной основы для теории социальной сложности для меня не представляет особой ценности. Я даже сомневаюсь, что такую основу вообще удастся установить, особенно если попытка сделать это будет предпринята посредством совершенного на самом общем теоретическом уровне грубого сочетания теории систем и «дарвинистского подхода»¹⁴. С моей точки зрения,

¹¹ См.: Luhmann N. (ed.). *Soziale Differenzierung*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1985.

¹² См.: Луман Н. *Общество общества*. Часть IV. Дифференциация. М.: Логос, 2006.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Одно из возражений дает само изучение биологической эволюции, в котором дарвинистский подход вовсе не считается абсолютной истиной. Этот подход всецело сопряжен с адаптивной и зависящей от направления природой эволюции и потому не должен быть выше всяких сомнений, особенно если принять во внимание общий кризис концепции прогрессивного просвещения, которую исповедовал Дарвин. Другое возражение таково: идея функциональной эволюции как центральная концепция теории социальной эволюции вызывает слабое дове-

более важны анализ реального уровня сложности современных нам политических систем, ответвления этого развития и вопрос о том, будет ли этот уровень в ближайшем будущем возрастать или же снижаться.

Использование мною термина «социальная сложность» следует, таким образом, рассматривать в свете этой более умеренной оценки. Понять, с чем мы имеем дело, помогут следующие четыре тезиса:

1. В постиндустриальных обществах, характеризующихся высоким уровнем разделения труда и функциональной дифференциации, социальная сложность проявляется как разнообразие и семантическая дискретность языков, смыслов, приемов и ценностей, которые осуществляются в каждой из подсистем и в их дальнейшей дифференциации. Всем подсистемам присуща тенденция к специализации и к функционированию на основе собственных и автономных кодов, отличающихся от кодов других подсистем. Значение события, произошедшего в одной социальной среде (например, религиозный опыт), нельзя передать в понятиях, релевантных для опыта иной среды (скажем, спортивных клубов, контор или лабораторий ядерной физики). Различные опыты несопоставимы в принципе. Коррекция переменных социального поведения нарастает, а по мере этого нарастания возрастает и сложность понимания и прогнозирования.

2. Наряду с тенденцией к автономизации функциональных кодов существуют явления нарастающей взаимозависимости различных подсистем. Эти явления являются условием координации действий подсистем в рамках более широкого социального порядка. Изучение различных форм, принимаемых этой взаимозависимостью, раскрывает диффузную и полицентричную

Окончание см. 14

рие. См.: *Eldredge N., Gould S.J. Punctuated Equilibria: The Tempo and Mode of Evolution Reconsidered // Paleobiology. 1977. Vol. 3. № 2. P. 115–151; Tyrell H. Anfragen an die Theorie der gesellschaftlichen Differenzierung // Zeitschrift für Soziologie. 1978. Vol. 7. № 2. P. 175–193.*

I. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОСЫЛКИ

деятельность, имеющую характерную тенденцию к разрушению иерархических структур. Например, политические кампании ныне определяются требованиями, связанными с использованием телевидения, но это использование телевидения подчиняется законодательству, регулирующему использование средств массовой информации в политических целях, и оба субъекта данного процесса (и политики, и телевизионная компания) вынуждены подчиняться требованиям рынка рекламы. В свою очередь, этот процесс обусловлен не только общими требованиями экономического законодательства, но и обостряющейся конкуренцией телевидения с более традиционными формами связей с общественностью. Герберт Саймон и Раймон Будон показали, как нарастание взаимозависимости в сферах экономики, исследований бизнеса и социологии сопровождается нарастанием сложности прогнозирования и социального вмешательства. Поскольку им приходится строить прогнозы и проекции в условиях отсутствия полной информации и достаточного знания о направлениях взаимодействия, экономисты, политики и специалисты по социальной инженерии вынуждены приспосабливаться к значительному количеству «извращенных следствий», то есть результатов, которые они не прогнозировали и которым они вряд ли рады¹⁵. Вообще говоря, любому росту явлений функциональной взаимозависимости соответствует значительное увеличение негативных внешних факторов¹⁶.

3. Дифференциация опыта благоприятствует социальной мобильности. На место общества, отягощенного балластом универсальных и неизменных принципов,

¹⁵ *Simon H.E. Bounded Rationality // McGuire C.B., Radner R. (eds). Decision and Organization. Amsterdam: North Holland, 1971; Boudon R. Effets perverses et ordre social. Paris: Presses Universitaires de France, 1977. Engl. transl. New York: St. Martin's Press, 1982.*

¹⁶ См.: *Benjamin R. The Limits of Politics. Collective Goods and Political Change in Postindustrial Societies. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. P. VII–XI.*

приходит плюрализм социальных пространств, регулируемый условными и гибкими критериями. Устранение ограничений, налагаемых традицией, стратификацией и локализацией, ведет к значительному ускорению социальных перемен. Моральный политеизм и широко распространенный агностицизм по конечным вопросам приходят на смену институционализированным коллективным верованиям, бытование которых обеспечивается политическим принуждением.

4. С точки зрения индивидуальных субъектов (или систем), повышение уровней дифференциации ведет к большей «обезличенности» и «абстрактности» общественных отношений. Разнообразие опыта нарастает, но сами разновидности опыта более непосредственным образом формируют функциональные потребности или ожидания. Индивиды, оказывающие или получающие специализированные услуги в рамках более дифференцированных ролей, становятся все более взаимозаменяемыми в пределах этих ролей. Множественность возможных действий и расширение спектра услуг создают своего рода «селективную перегрузку» в условиях возрастающей незащищенности и нестабильности¹⁷. Более широкий спектр возможных вариантов выбора еще более расширяется по мере того, как для каждого субъекта выбор вариантов действий становится все более настоятельным и все более рискованным, и все стремятся к «снижению сложности»¹⁸.

¹⁷ См.: *Gehlen A. Der Mensch. Seine Natur und Seine Stellung in der Welt.* Wiesbaden: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1978. Engl. transl. New York: Columbia University Press, 1988. P. 49–64. О растущем спросе на символическое подтверждение, которое индивиды и группы передают политической системе в сложных обществах см.: *La Porte T.R. (ed.). Organized Social Complexity: Challenge to Politics and Polity.* Princeton (NJ): Princeton University Press, 1975.

¹⁸ См.: *Gehlen A. Die Seele im technischen Zeitalter.* Reinbek bei Hamburg, Rowolt, 1957. Engl. transl. New York: Columbia University Press, 1980. P. 75; *Hubermas J., Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie.* Frankfurt a. M.: Shurkamp Verlag, 1971. P. 156–162. В качестве окончательного объяс-

І. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОСЫЛКИ

Эпистемологическая сложность

Вполне очевидно, что моя трактовка проблемы сложности (в том числе социальной) является лишь одной из возможных. В абсолютных категориях моя трактовка не может претендовать на то, чтобы быть более предпочтительной по сравнению с другими. Мой подход неизбежно зависит от условий моего существования и не может не включать некоторой предвзятости оценок. Но в моей трактовке принципиально важна попытка рассматривать политические и социальные отношения в постиндустриальных обществах на основе следующего и не менее сложного когнитивного подхода, а именно на основе рефлексивной эпистемологии.

Смысл, который я вкладываю в понятие рефлексивной эпистемологии, лучше всего можно передать метафорой, которую сорок лет тому назад впервые использовал Отто Нейрат для описания положения философа науки в эпоху, наступившую после Эйнштейна¹⁹. Недавно большую известность этой метафоре

нения терминов должен ясно сказать, что под «системой» я имею в виду социальную сущность, обладающую достаточной степенью организованности для того, чтобы стабилизировать себя в пределах среды. Под «средой» я разумею структуру экзогенных условий стабильности или развития системы. Долг, который это общее описание несет перед системными исследованиями и устоявшимися теориями сложности, такими как теории, выдвинутые Людвигом фон Берталанфи, Гербертом Саймоном, Россом Эшби, Ильей Пригожиным и Никласом Луманом, станет ясным. См.: *Bertalanffy L.V. General System Theory*. New York: Braxiller, 1968; *Саймон Г. Архитектура сложности* // Саймон Г. Науки об искусственном. М.: Едиториал УРСС, 2009; *Ashby W.R. Principles of the Self-Organizing System* // Buckley W. *Modern System Research for the Behavioral Scientist*. P. 108–118; *Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса; Луман Н. Общество общества. Часть IV. Дифференциация.*

19 См.: Neurath O. *Foundations of the Social Sciences*. Chicago: University of Chicago Press, 1944. P. 47; см. также: Neurath O. *Gesammelte philosophische und methodologische Schriften*. Vienna: Hodder-Picheler-Tempsky Verlag, 1981; Zolo D. *Reflex-*

придал Куайн, который использовал ее как символ своей критики догматического эмпиризма²⁰. По словам Нейрата, философы подобны морякам, которым буря мешает вернуться в порт, поэтому им приходится посреди океана ремонтировать свое разваливающееся судно, цепляясь при этом за те самые снасти, которые вот-вот сметут волны.

Рефлексивная природа этой метафоры хорошо передает идею эпистемологической сложности, уже упомянутую мной в качестве одного из обобщающих условий сложности. Эта метафора указывает на когнитивные ситуации, в которых всякая возможность определенности или, по словам Поппера, «приближения» к истине исключена, потому что субъекты сами включены в среду, которую они пытаются сделать объектом своего познания. Субъекты могут принять критическое, то есть рефлексивное описание ситуации циркулярности, в которой они находятся, но не могут вытащить самих себя из собственной исторической и социальной перспективы. Не могут они и освободиться от пристрастий научного сообщества, культуры или цивилизации, к которым они принадлежат и которые влияют на их восприятие самих себя. Они не могут знать себя объективно, но они даже не могут иметь объективные знания и о своей среде, поскольку они сами изменяют среду, проецируя на нее собственные пристрастия, когда взаимодействуют с этой средой, делая ее объектом своего познания.

Окончание сн. 19

ive Epistemology. The Philosophical Legacy of Otto Neurath. Dordrecht, Boston (Mass.) and London: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. XV–XVIII, 22–23, 36, 48.

²⁰ См.: Куайн У.В.О. Две догмы эмпиризма // Куайн У.В.О. Слово и объект. М.: Логос, Праксис, 2000. О метафоре Нейрата см. также: Blumenberg H. Schiffbruch mit Zuschauer. Paradigma einer Daseinsmetapher. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1970; Lorenzen P. Methodisches Denken. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1980. Engl. transl. Amherst (Mass.): University of Massachusetts Press, 1987; Cherniak C. Minimal Rationality; см. также: Zolo D. Reflexive Epistemology.

I. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОСЫЛКИ

Субъекты вполне могут попытаться решить проблему циркулярности, включив самих себя в число изучаемых ими объектов. Но им никогда не преуспеть в формировании совершенного круга когнитивной самопроницаемости, нейтрализовав, так сказать, все антропологические, семантические и социологические предпосылки своих собственных интеллектуальных биографий. Субъекты могут лишь попытаться сократить элемент эпистемологической сложности, но никогда не преуспеют в полном подавлении этого элемента. И в этом отношении, как убедительно доказывают постэмпирические философы, историки и социологи, такие как Томас Кун, Людвик Флек и представители эдинбургской школы, эпистемологическая ситуация социальных групп и даже научных сообществ не отличается от ситуации отдельного субъекта²¹.

Более того, если субъекты желают избежать положения, при котором они сами себя приговаривают к полному когнитивному и коммуникативному параличу, им придется избежать постановки вопроса обо всем концептуальном аппарате, который предоставляет им среда. По меньшей мере отчасти субъектам придется принять (некритично и без рефлексии) лингвистические и теоретические предпосылки, вручаемые им «фольклором» традиции, к которой они принадлежат²². Таким образом, субъекты находятся не в том положении, которое позволяет им занять какую-то

²¹ См.: Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977; Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999; Barnes B. *Interests and the Growth of Knowledge*. London and Boston (Mass.): Routledge and Kegan Paul, 1977.

²² Я пользуюсь этим термином для передачи весьма широкого смысла, предложенного Нейратом, то есть для обозначения совокупности социальных привычек и нравственных и религиозных убеждений, которая передается из поколения в поколение в рамках конкретной исторической традиции. См.: Zolo D. *Reflexive Epistemology*. P. 146, 152, 175.

нейтральную позицию, стать картезианской *tabula rasa*²³, которую можно использовать в качестве методологического отправного пункта для построения объективного фундамента знаний. Как предположили Эдмунд Гуссерль и Эдит Штейн²⁴, и индивиды не могут достичь по меньшей мере некоторой внутренней определенности, являющейся основным озарением в конце психологического путешествия, совершенного ими в пределах феноменологического контекста «жизненного мира» (*Lebenswelt*). Если ситуация циркулярности действительно такова, что ее нельзя преодолеть, всякая возможность оправдания или объективного обоснования знаний должна рухнуть, какова бы эта возможность ни была — эмпирической, галилеевской по природе или возможностью интуитивного, продиктованного совестью порядка.

С «рефлексивной» точки зрения различные варианты философии науки, обоснованные реалистически или идеалистическими позициями, могут казаться, по ровно противоположным причинам, полностью неадекватными. И это утверждение в не меньшей степени относится и к более изощренным, недавно выдвинутым версиям, таким как «внутренний реализм» и «радикальный конструктивизм» соответственно. Такие философские доктрины игнорируют ситуацию циркулярности, от которой не свободен ни один когнитивный конструкт, и, делая это, они приступают к формулированию линейных, каузальных и «направленных» отношений между субъектом и его средой. Они возникают как воображаемые, то есть появившиеся через неспособность объять сложность когнитивной позиции, отношения объективного отражения среды или, наоборот, как продукты субъективного производства.

Таким образом, есть хорошие причины для того, чтобы рассматривать, в частности, неопозитивизм

²³ Чистая доска (*лат.*).

²⁴ См.: *Stein E. Werke*. Louvain: Nauwelaerts, 1950–1987. Engl. transl. Washington (DC): ICS Publication, 1986.

І. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОСЫЛКИ

как наиболее последовательную из предпринятых в наше время попыток научного и логического отрицания «эпистемологической сложности». Более всего при этом вспоминается «общепринятый взгляд» североамериканских эмпиристов. Эта теория, выдвинутая такими авторами, как Рудольф Карнап, Карл Г. Гемпель, Эрнест Нагель, Р.Б. Брейтуэйт, Алан Каплан, оказывает глубокое влияние на современные социальные науки²⁵. Помимо всего прочего, эта теория, как мы увидим, внесла весьма существенный вклад в становление политической науки и развитие в ее рамках «ревизионистских» теорий процедурной демократии. Но изъян этой версии эмпиризма заключается не только в том, что она основывается на наивно-реалистичной эпистемологии, но и в том, что она предполагает универсальность и постоянство научного языка, воспринимая его как некую органичную систему совершенно точных утверждений, свободных (или потенциально свободных) от всякой двусмысленности, метафорической неясности и ценностного содержания, а потому поддающихся логической формализации и проверке.

Что до построения теорий, то следует сказать, что данная концепция эмпиризма требует, чтобы научное объяснение и прогнозирование были дедуктивным образом основаны на универсальных законах, которые имеют силу во все возможные времена и в любом возможном пространстве. Это требование обязывает исследователя, как художника, так и ученого, открывать каузальные связи между явлениями, причем эти связи должны соответствовать номологической и дедуктивной модели научного объяснения, предложенной Поппером и формализованной Гемпелем²⁶.

Общая неспособность этих доктрин философии науки учитывать проблему эпистемологической сложно-

²⁵ См.: *Suppe F. The Structure of Scientific Theories*. Urbana (Ill.): University of Illinois Pres, 1977.

²⁶ См.: *Поппер К. Логика и рост научного знания*. М.: Прогресс, 1983; *Hempel C.G. Aspects of Scientific Explanation*. New York: The Free Press, 1965.

сти не может вызывать сомнений. Руководствуясь идеалом максимальной эпистемологической лапидарности и концепцией истины как соответствия лингвистических утверждений реальности, эти доктрины намереваются обеспечить совпадение знания среды с редуцированным средой к крайне упрощенным, линейным и направленным принципам объяснения. С этой точки зрения даже Вселенную начинают рассматривать как некую неизменяемую и объективную структуру, а не как среду, взаимодействующую с наблюдающим ее субъектом и изменяющуюся по мере изменения субъекта.

В противоположность догматическому эмпиризму «рефлексивная» эпистемология утверждает, что отправная точка и пункт прибытия в каждом когнитивном процессе состоят в предложении лингвистической коммуникации, а не данных или фактов предполагаемой объективности среды, которая предшествует языку и является внешней по отношению к нему. В символическом плане рефлексивная эпистемология утверждает, что субъекты (как индивиды, так и коллективы) развивают селективные структуры, которые позволяют им представлять среду, адаптироваться к ней или упорядочивать ее. Таким образом, язык как инструмент редуцирования сложности среды нельзя вытеснить или заменить. Ибо невозможно, продолжая пользоваться лингвистическими инструментами, отделять язык от некоего гипотетического экстралингвистического измерения среды.

«Рефлексивная» эпистемология должна отрицать возможность номологических и дедуктивных объяснений как в естественных, так и в политических или социальных науках. Причины этого совершенно очевидны. Во-первых, любой общий закон может считаться имеющим силу только в рамках особо определенной сферы и даже в этой сфере с исключением и аномалиями. Во-вторых, любое эмпирическое явление всегда может быть интерпретировано в свете множественности различных теорий, которые во многих случаях

I. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОСЫЛКИ

взаимоисключающи. Это в равной мере справедливо как для, скажем, социологии, так и для физики.

С этой точки зрения различие между естественными науками и науками о человеке стремительно сокращается. Наука о природе также действует циркулярно. В ней нет абсолютных категорий, на которых эта наука основывается, поскольку ни одну теорию нельзя эмпирически подтвердить или опровергнуть иначе, чем в контексте лингвистических форм, теоретических посылок и приемов, которые сами привели к формированию данной теории и в свете которых эта теория обретает смысл. Эпистемологическое исследование общего смысла научного знания можно начать только с интерпретации исследователями своей индивидуальной символической Вселенной, которую можно назвать «парадигмой», «дисциплинарной матрицей», «образом мысли» или *Denkkollektiv*, что в любом случае должно обозначать признание того, что мышление исследователя представляет собой *tabula inscripta*²⁷. Таков урок европейского конвенционализма от Дюгема до Пуанкаре, Рея, Леруа, Нейрата и Флека²⁸.

Если теоретические предположения являются не «неоценочными» в строгом смысле, а обусловленными системами убеждений (пристрастий, корыстных интересов, идеологий и т.д.) сообществ, которые создают эти предположения, тогда вполне возможно заключить, что, в принципе, нет никакого различия между языком теории и языком предписаний, между научным знанием и нравственными императивами. Признание «эпистемологической сложности» может, таким образом, стать предпосылкой общего признания причин, лежащих в основе «этического когнитивизма, по меньшей мере в его ослабленных формах.

Как станет ясно позднее, моя собственная идея совершенно противоположна этому выводу. Тот факт,

²⁷ Исписанная доска (лат.).

²⁸ См.: *Zolo D. Reflexive Epistemology*, особенно р. XIII–XVIII, 160–170.

что в языке теории всегда присутствует оценочный элемент, дает, по моему мнению, еще одну и решающую причину отвергать позицию морального когнитивизма и сопряженных с ним этико-политических доктрин, таких как, например, выдвинутая Джоном Ролзом «теория справедливости». Только на основе имплицитно реалистической метафизики, рассматривающей знание как непосредственное постижение истины или как открытие законов Природы, можно претендовать на выведение деонтологии из фундаментальной онтологии, на выведение императивов из утверждений и предписаний из предположений, возникающих из наблюдений. Этические принципы, основанные на естественном законе и проповедуемые, без особого практического успеха, римско-католической церковью в сфере сексуальности, являются типичным примером такой позиции.

Нарастающая сложность

Завершить эту главу изложением моих теоретических посылок, не упомянув две гипотезы, которые придали содержание ряду моих доводов, касающихся кризиса европейской политической теории и, точнее говоря, необходимости реконструкции демократической теории, было бы невозможно.

Первая гипотеза такова: развитие научных исследований и рост генерированных этим процессом знаний в научных подсистемах и вне их не уменьшают, как естественно было бы предполагать, а, напротив, увеличивают сложность среды, в которой существуют современные общества. Эта гипотеза тесно связана с посылкой, которую совершенно правильно утверждают в истории и философии науки в числе прочих Томас Кун и Мэри Хессе²⁹. Центральное положение этой по-

²⁹ См.: Кун Т. Структура научных революций; Hesse M. *Revolutions and Reconstructions in the Philosophy of Science*. Brighton (Sussex): The Harvester Press, 1980.

I. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОСЫЛКИ

сылки — утверждение о том, что рост научного знания происходит не в соответствии с рациональными критериями в смысле логической целостности, непротиворечивости и органической эволюции теорий. Этот рост, напротив, носит сегментарный и дискретный характер.

Считается, что в пределах сфер эмпирических исследований (не в последнюю очередь физических исследований) существуют различные теоретические модели, позволяющие строить в соответствующих областях надежные прогнозы, но не применимые даже в смежных областях. Действительно, эти теории не только не обнаруживают никакой заметной тенденции к конвергенции в каком-то общем центре, но и при любой попытке сократить множество этих теорий посредством устранения элементов несовместимости возникают серьезные трудности. Лучший пример такой ситуации — степень, в которой физики-теоретики до сих пор находили невозможным объединение квантовой физики и общей относительности в рамках единой объединенной теории³⁰.

Переход от одной общей теории к другой, например от птолемеевой физики к галилеевой физике или от галилеевой физики к теории относительности, это своего рода революционный скачок от одной научной парадигмы к другой. Как доказывает Томас Кун, приверженность к новой парадигме носит более характер обращения, чем рационального убеждения. С этой точки зрения бесосновательна даже идея конвергенции научных процессов в кумулятивных результатах, которые можно было бы интегрировать в едином

³⁰ См., например: Хокинг С. Краткая история времени: от Большого Взрыва до черных дыр. СПб.: Амфора, 2007. Эта попытка пропаганды научных знаний была предпринята в оптимистичной надежде на то, что унификация научных знаний по физике все еще остается открытым вопросом. Возможно, этим и объясняются похвалы, которых удостоили книгу в мире.

синтезе³¹. В сущности, правильным представляется противоположное утверждение. Так, все основные категории классической физики — пространство, время, материя, энергия, каузальность — претерпели далеко идущие изменения вследствие современных процессов развития этой науки, но без соответствия этого процесса какой-либо внутренней логике. Наоборот, весь корпус унаследованных знаний об определенном предмете, скорее, с все большим усилием ориентирует научные исследования в рамках новых, расширенных горизонтов и на космическом уровне, и на уровне элементарных частиц. Таким образом, эта трудность приводит к постоянным изменениям парадигмы.

Для *homo sapiens* рост научных знаний расширяет спектр возможного опыта и сокращает наше невежество. Но то, что мы знаем наверняка, от этого не возрастает. Напротив, чем дальше продвигается теория, вытягивая за собою технологические достижения, чем шире раскрываются новые горизонты, ставя непредвиденные вопросы, служащие стимулами к еще более рискованным попыткам объяснения, тем меньше эти объяснения обусловлены прежними стадиями знаний. Пропорционально нарастают неопределенность и сложность среды.

Мэри Хессе утверждает, что, хотя идею конвергенции и логического перехода научных теорий следует отвергнуть, необходимо тем не менее признать, что научный прогресс признает прагматический критерий. Прогресс инструментален, поскольку служит повышению приносимой прогрессом способности и к прогнозированию среды, и к управлению ею³². Пола-

³¹ См.: Rescher N. *The Limits of Science*. Berkley (Calif.): University of California Press, 1984.

³² См.: Aron R. *Dix-huit lecons sur la societe industrielle*. Paris: Gallimard, 1962. Engl. transl. London: Weidenfeld and Nicholson, 1967. Для того чтобы достичь Рима, Наполеону потребовалось столь же времени, сколько для этого требовалось Цезарю. В целом и общем высший класс Древнего Рима пользовался теми же ресурсами, какими пользовались пред-

I. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОСЫЛКИ

гаю, что первый из этих двух тезисов едва ли вызовет какие-то сомнения, если под прогнозированием мы имеем в виду способность науки генерировать правила гипотетического порядка, которые позволяют взвешивать риски, сопряженные с принятыми в условиях неопределенности практическими решениями. Это то же самое, что сказать: наука, в сущности, порождает или приносит технический прогресс. Но момент, который по-прежнему следует акцентировать, как это делал Раймон Арон³³, таков: заметные отклонения и проявления непоследовательности присутствуют не только в развитии науки, но и в сугубо техническом развитии. В европейской истории наблюдались длительные фазы стагнации или неожиданного ускорения в обеих сферах. По-видимому, стоит подчеркнуть, что, помимо этого, в рамках все более специализирующихся сфер, регулируемых критериями местной и ограниченной рациональности, способность к техническому прогнозированию возрастает.

Что касается второго тезиса, касающегося управления средой, то, по моему мнению, формулировку Мэри Хессе можно усовершенствовать уточнением о том, что это утверждение относится исключительно к возможному прогрессу. Причина этого заключается в том, что при всей своей кажущейся парадоксальности этого утверждения прогресс идет рука об руку с драматическим нарастанием количества и разнообразия рисков, вызванных научно-техническим развитием. Свидетельством тому служит недавно выдвинутая теория «общества риска» как категории интерпретации постиндустриальных обществ³⁴. В среде более

ставители французской буржуазии в царствование Людовика XIV. Впоследствии различия вдруг стали огромными.

³³ См.: *Hesse M. Revolutions and Reconstructions in the Philosophy of Science*. P. VII–XIV.

³⁴ См.: *Бек У. Общество риска*. М.: Прогресс-Традиция, 2001; *Beck U. Genegengifte. Die organisierte Unverantwortlichkeit*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1988; см. также: *Douglas M.*

сложной в технологическом отношении происходит прогрессирующее сокращение того, что Гелен назвал «инвариантным резервуаром» «культурной недвижности»³⁵. От индивидов требуют постоянной бдительности, пребывания в состоянии хронической тревоги и способности к импровизации фундаментальных решений в любой момент.

Развитие технических приложений науки, в сущности, требует возрастающей сложности стратегий управления средой в свете новых факторов риска, вызванных циркулярностью самого развития. Необходимо думать только о непредвиденных и нежелательных открытиях последних двух десятилетий: о пределах экономического прогресса, о возможности исчерпания традиционных энергоресурсов, о жестких экологических правилах выживания человечества в условиях стремительного и несбалансированного демографического роста, опасностях ядерной энергии, постоянно увеличивающегося разрыва между различными условиями жизни людей в разных частях планеты. Это неравенство, по всей вероятности, обусловит в грядущие десятилетия значительную часть миграционного давления и сопряженной с ним угрозы насильственных конфликтов за предоставление гражданства, новых форм ксенофобии и расовой дискриминации³⁶.

Вторую гипотезу можно сформулировать следующим образом: развитие передовых технологий, осо-

Окончание см. 34

Risk Acceptability According to the Social Sciences. London: Routledge and Kegan Paul, 1986; *Keane J.* Democracy and the Decline of the Left. London: Centre for the Study of Democracy, 1989. P. 10–11.

³⁵ См.: *Gehlen A.* Die Seele im technischen Zeitalter. Engl. transl. P. 67–68 и в различных местах этой работы; см. также: *Rapp R.* Analytical Philosophy of Technology. Dordrecht, Boson (Mass.) and London: D. Riedel, 1981.

³⁶ По этому вопросу см.: Reynolds V., Fakgher V., Wine I. (eds.). The Sociology of Ethnocentrism. Evolutionary Dimensions of Xenophobia, Discrimination, Racism and Nationalism. London: Croom Helm, 1987.

I. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОСЫЛКИ

бенно электронных и информационных, это не просто один из факторов нарастания социальной сложности, но и очень сильный катализатор этого нарастания. Это ускорение создано в значительной степени тем обстоятельством, что передовые технические инновации (например, в биотехнологии, геной инженерии, создании искусственного интеллекта, новых материалов и в открытии новых источников энергии) обладают в беспрецедентной степени особой подверженностью рефлексивному приложению к биологическим, антропологическим и когнитивным характеристикам *homo sapiens*. Центральную роль этой крупномасштабной обратной связи играет так называемая информационная революция с ее множественными процессами развития робототехники, телематики и мультимедийных средств³⁷.

Сокращение рабочего времени и сбережение ресурсов и физической энергии, вызванные автоматизацией производственных процессов и ориентированными на потребителя приемами, принятыми в секторе услуг (в банках, магазинах и т.д.), перенесли значительные объемы человеческой энергии с работы на досуг. Одновременно произошло увеличение средней продолжительности жизни, в результате чего у каждого человека увеличился и спектр возможного опыта. Таким образом, необходимость того, чтобы индивиды реагировали на возрастающую сложность, делая осмысленный выбор из множества открывающихся перед ними возможных ролей и дифференцированных функций, становится еще более настоятельной.

Прогресс в телематике приводит к появлению глобальной сети, способной практически со скоростью света наполняться миллионами единиц информации, которая потенциально доступна любому человеку, имеющему персональный компьютер. Люди имеют дело

³⁷ См.: Lyon D. *The Information Society: Issues and Illusions*. Cambridge: Polity Press, 1988; Dizard Jr. W.P. *The Coming Information Age*. New York and London: Longman, 1985.

с огромным количеством информации и стимулов, которые крадут их внимание и способности к выбору вне традиционных центров обмена и усвоения знаний, таких как семья, школа, церковь, профсоюзы и т.д. Возникают деликатные проблемы взаимодействия между телематическими источниками и огромным большинством пользователей этих источников, которые не обладают механизмами селекции, достаточными для того, чтобы справиться с объемом и разнообразием информации, предоставляемой этими источниками. Риск незначительного, случайного и даже хаотичного сокращения сложности угрожает нормальным процессам формирования индивидуальности. Новые формы социализации заметно вмешиваются в формы, традиционно принимаемые коллективными идентичностями. В общем, ускорение темпа жизни, вызванное новыми технологиями (ускорение, которое послужило причиной появления введенного Полем Вирилио понятия «дромократия», то есть господства скорости в передаче объектов и символов), является, по-видимому, причиной усиливающейся сенсорной недостаточности у людей³⁸.

Несомненно, со временем массовые коммуникации породили политически важные когнитивные последствия, которые я рассмотрю глубже в одной из глав этой книги. Кроме того, массовые коммуникации стали играть роль суррогатного опыта. В частности, телевидение создает символический заменитель непосредственного опыта того, что порабощение конкретным в противном случае сделало бы невозможным. Таким образом, происходит маргинализация непосредственного опыта, который оттесняется символической реализацией возможного, а необходимость в личной активности сокращается. Со временем этот суррогат оказывает влияние даже на сенсорное восприятие — настолько, что именно символическое взаимодействие

³⁸ См.: *Virilio P. Vitesse at politique*. Paris: Galilee, 1976.

І. НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПОСЫЛКИ

со средствами массовой коммуникации задает определяющие рамки непосредственного опыта, а не наоборот³⁹.

Средства массовой информации могут, таким образом, исключать все внешнее по отношению к созданному ими образу действительности как «ненастоящее». Они создают своеобразную дематериализацию жизни и «эффектную, броскую» стилизацию социальных отношений. Этот эффект приводит к общему нарастанию символической абстрактности, неподвижности и пластичности социальной среды, в результате чего она все реже мыслится и воспринимается как объективная, статичная и одномерная реальность. Вместо этого социальная реальность кажется крайне изменчивым результатом взаимодействия избирательных репрезентаций «реальности», над которой индивиды более не ощущают контроля⁴⁰. В сущности, они уже утратили всякую возможность соотнесения реальности с чем-то, не являющимся опытом, «опосредованным» для них средствами массовой коммуникации.

³⁹ См.: *Altheide D.L. Media Power*. Beverly Hills (Calif.): Sage Publications, 1985; *Elliot P. Intellectuals, the Information Society and the Disappearance of the Public Sphere* // Collins R. et al. (eds.). *Media, Culture and Society. A Critical Reader*. London: Sage Publications, 1986; Curran J., Smith A., Wingate P. (eds.). *Impact and Influences. Essay on Media Power in the Twentieth Century*. London: Methuen, 1987; см. также: *Door A. Television and Children*. Beverly Hills (Calif.): Sage Publications, 1986.

⁴⁰ Джанни Ваттимо пронизательно описывает фундаментальные характеристики постмодерна как разрушение принципа реальности и фрагментацию когнитивного горизонта, созданного развитием средств массовой информации. Однако он также считает, что есть новый шанс человеческой экспансии как результата нарастающей социальной сложности, развивающейся из возникающего множества постоянно меняющихся социальных подсистем. К сожалению, философскому оптимизму этого рода (по меньшей мере до сих пор), по-видимому, противоречили аналитические данные, предоставляемые исследованиями коммуникаций. См.: *Ваттимо Д. Прозрачное общество*. М.: Логос, 2003. Ср. с главой V настоящей книги.

Д. Дзоло. Демократия и сложность

информационных инструментов, всеобщее процветание, превосходные общественные службы (особенно школы и больницы), высокий уровень занятости, эффективная и просвещенная бюрократия, асептическое регулирование социальных отношений посредством исключительных функциональных требований и полное отсутствие политических идеологий и публичных дискуссий.

Научное издание
Серия «Политическая теория»

ДАНИЛО ДЗОЛО

ДЕМОКРАТИЯ И СЛОЖНОСТЬ: РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
ЛЮБОВЬ АГАДУЛИНА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор
ОЛЬГА КРЮКОВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ —
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 02.12.2009. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 17,7
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. №1089. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП
«Типография „Наука“»
121099, Москва,
Шубинский пер., 6